английском языке встречается больше слов с переносным значением и со специфической семантикой. Подобные лексемы образуют область не только словообразовательной, но и лексической лакуарности, которая может свидетельствовать о национальном своеобразии деривационно-семантического пространства русского и английского языков. В процессе перевода они зачастую передаются при помощи лексических единиц другой семантической сферы.

1. Александрова Г.Е. Специфика употребления лексических единиц «Home» и «House» в английском языке (на материале текстов по архитектуре) / Александрова Г.Е., Насыбуллина Р.А. // Вестник ЮУрГУ: Лингвистика, 2016. №1 С.5-9.
2. Ачаева М.С. Номинативное пространство словообразовательных гнезд параметрических прилагательных в русском и английском языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Казань, 2012. – 22с.
3. Дукальская И.В. Субкод «Предметы хозяйственного обихода» английского лингвокультурного кода «Артефакты» // Вестник ЧГУ, 2008. - №3. - С.131-137.
4. Евгеньева А.П. Словарь русского языка. Том 3. – М.: Русский язык, 1984. – 705 с.
5. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. – М.: Русский язык, 2000. – 1233 с.
6. Кононенко Б.И. Большой толковый словарь по культурологии. – "Издательство АСТ", 2003. – 512 с.
7. Мюллер В.К. Большой англо-русский словарь. – Екатеринбург: У-Фактория, 2007. – 1536 с.
8. Николаев А.И. Философский анализ роли артефакта в культуре // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2011. - №3. - С.187-196.
9. Тихонов А.Н. Словообразовательный словарь русского языка. Том 2. – М.: Русский язык, 1985. – 885 с.
10. Oxford Learner's Thesaurus. A Dictionary of Synonyms / [ed. by Diana Lea]. – Oxford: Oxford Univ. Press., 2008. – 1008 p.
11. Pocket Oxford Russian Dictionary / [ed. by Della Thompson]. - Third edition. - New York: Oxford University Press, 2006. - 920 p.

Бритаева А.Б.

Познавательный аспект осетинской детской литературы

Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им.

В.И. Абаева – филиал Федерального государственного

бюджетного учреждения науки Федерального научного центра

«Владикавказский научный центр Российской академии наук»

(Россия, Владикавказ)

doi: 10.18411/spc-26-10-2017-02

idsp: 000001:spc-26-10-2017-02

Познавательность – необходимое качество детской литературы. Привычные и любимые маленькими читателями формы литературной сказки, рассказа-сказки, собственно рассказа позволяют писателям емко и доходчиво, ввести ребенка в мир знаний, вызвать и поддержать в нем интерес к познавательному материалу произведения.

В историю осетинской детской литературы золотыми буквами вписано имя Кудзага Дзесова. «Над кем смеялись собака, кошка и курица» [1, 53], «Что вкуснее», «Жвачка», «Голос матери» [2], «Вежливый» [3,10] – эти и другие рассказы и сказки писателя «содержат большой информативный материал, богатое эмоциональное содержание. Они входят в сознание ребенка как прочное звено непрерывных открытий мира, как одно из первых его познаний. Ведь они в художественной, то есть наиболее впечатляющей, форме закрепляют первый жизненный опыт ребенка, расширяют его кругозор, развивают чувства, внутренний мир» [4, 179].

Условно произведения осетинских детских писателей, богатые познавательным материалом, можно разделить на несколько групп: произведения, знакомящие

читателей с историей родного края, обычаями народа; произведения, дающие уроки жизни и поведения в обществе природоведческие; медицинские и т.д. Основой литературных произведений зачастую становятся профессиональные знания. Таковыми можно назвать, например рассказы охотников-любителей М. Купеева и Б. Гурдзиева, произведения врача Ч. Айларова. Причем профессиональные знания оказали влияние на своеобразие этих произведений, это выражается в сочетании научности, достоверности и вымысла, художественного отображения материала.

Повесть-сказку Ч. Айларова «Маленький Микро из рода Ангинаевых» [5, 331] можно смело отнести к научно-познавательной литературе для детей, настолько достоверно, хотя и в сказочной форме, в нем подан анатомический материал, а так же механизмы заражения вирусами, различными болезнями... Главные герои повести – маленький Микро из рода Ангинаевых и его собратья-микробы – отправились в путешествие с целью заразить как можно больше людей. Что из этого получилось, и как им можно и нужно противостоять – вот сюжет и предназначение повести.

Авторы природоведческих сказок и рассказов к познавательным сведениям подводят читателя не сразу, а с помощью занимательного сюжета, в который вкрапливается немало интересных сведений – так они запоминаются читателям лучше – именно оттого, что неназойливы, не сухо дидактичны.

Например, из сказок-рассказов Г. Чеджемова дети узнают: сколько лет живут черепаха и слон («Слоненок и черепаха»), как растет трава («Козленок голоден, или как Бubu траву вырастил»), почему заяц дважды в год шубку меняет («Заяц и кабан») и многое другое [6]. Писатель наделил животных, птиц, деревья человеческими качествами. Он заставил их заговорить: зайцы, волки, лисы, бабочки, цветы, деревья, даже лесная тропинка – каждый из них разговаривает и чувствует как человек. Для чего это понадобилось автору? А для того, чтобы уберечь их от человеческой жестокости, необдуманности. Не зря Н.И. Сладков называл природоведческие сказки «природоохранной грамотой» [7, 59], ведь говорящую лягушку ребенок не пнет ногой, плачущую бабочку не нанижет на иголку.

В плане познавательности большой интерес представляют рассказы-сказки М. Дзасохова. Природа, увиденная и запечатленная глазами художника – вот что лежит в основе творческого метода этого и других осетинских писателей.

В сказке «Пестрогрудки» писатель подробно описывает лес и его обитателей во все времена года. Он знакомит читателей с жизнью пестрогрудок, начиная с того, как взрослые птицы строят гнезда, высиживают яйца, выводят птенцов и до полного взросления маленьких пестрогрудок. Подробно описываются повадки различных обитателей леса. Ребенок узнает, какие птицы живут в этом лесу, какие из них улетают на зиму в теплые края, а какие остаются; чем питаются зимующие птицы. Надо отметить, что не менее важным, чем познавательная сторона сказки, является нравственный аспект любого произведения, адресованного детям. Не обошел его и М. Дзасохов. Мама-пестрогрудка учит своих детей премудростям жизни, тому, как следует себя вести в лесном общежитии: «Разве кроме нас в лесу нет жителей?! Каждому нужно есть. Пока хватит, будем кушать все вместе. И не оставляйте ягоды недоеденными, ведь есть такие птицы, которые побрезгуют есть чьи-то объедки. Пусть каждому достанется» [8, 48].

Не менее интересны в этом плане произведения других писателей: рассказы «Дружба», «Санитар», «Кто не спит ночью» М. Купеева [9], сказки и рассказы Б. Гурдзиева [10] повесть И. Айларова «С дедом в горах» [11].

Особо хотелось бы отметить цикл рассказов В. Гаглоева «Почему плакал горный родник» [12]. Писатель в сказочной форме рассказал о жизни природы и роли человека в природе – как созидательной, так и разрушительной.

В.П. Аникин писал о сказках В. Бианки: «Сказка для поэта средство поэтизации реальных явлений жизни. В. Бианки умеет сочетать научную достоверность с

поэтическим воодушевлением – редкое и счастливое качество писателя, работающего в так называемом жанре познавательной сказки» [13, 244]. В полной мере эти слова могут быть использованы и в отношении цикла рассказов-сказок В. Гаглыева – произведения, в котором звучит мотив разумного хозяйствования, бережного отношения к лесным богатствам. Все познавательные сведения В. Гаглов вводит в уста самих обитателей леса. Так, подслушав историю, которую рассказывает старая чинара своим дочерям, юный читатель узнает, что было на земле до появления человека; какие обитатели населяли лес и что потом с ними стало; как изменился мир с появлением человека; о том, что дает лес человеку, узнают также о роли воды в природе и в жизни человека, как получают электричество и т.д.

Писатель предостерегает от излишнего вторжения человека в мир природы, разрушающего существующие в нем живые взаимосвязи, что часто приводит к трагической развязке. Своеобразие произведения в том, что в нем удачно сочетаются элементы сказочные, фантастические и сведения, основанные на точных знаниях, науке о природе. Весь познавательный материал достоверен, ребенок многое в нем почерпнет для себя. Ценность даваемых знаний увеличивается формой подачи: сказочным сюжетом, композицией.

Финал произведения выносит тяжкий приговор жадности и бездумности человека. Писатель напоминает вновь и вновь, что все в природе взаимосвязано, взаимообусловлено. В произведении органично переплетаются познавательное и эстетическое начала. Цикл пронизан нежной любовью ко всему живому, а образ леса является для автора символом абсолютной эстетической меры. Все ее обитатели – плоть от плоти живого и прекрасного сказочного леса. Они все для леса, все равно, что дети для матери. Каждой метафорой, каждой фразой повествователь убеждает в том, что природный мир прекрасен прежде всего тем, что лес – это живой организм, в нем нет ничего неживого. У каждого из лесных обитателей есть свой характер, своя судьба, и есть персонифицированная живая душа лесного мира, возникающая в сказках В. Гаглыева на пересечении народного фольклорного антропоморфизма и современного поэтического видения.

Удачное сочетание занимательного, познавательного и художественного аспекта в произведениях осетинских авторов отвечает специфике детского восприятия и служит важной цели: воспитания любви и уважения ко всему, что нас окружает. Не вмешиваться. Помогать – но помогать бережно, зная, с чем имеешь дело. Эта мысль настойчиво звучит почти во всех произведениях осетинских авторов, адресованных подрастающему поколению. А. Швейцер писал: «Поистине нравствен человек только тогда, когда он повинуется внутреннему побуждению помогать любой жизни... и удерживаться от того, чтобы причинить живому какой-либо вред... Для него священна жизнь как таковая, он не сорвет листочка с дерева, не сломает ни одного цветка и не раздавит ни одного насекомого» [14; 307]. И, словно повинувшись этой аксиоме, осетинские детские писатели выступают сторонниками нравственности, воспитанной знаниями о природе, об истории родного края, о морально-этических нормах поведения.

1. Дзесты К. Кæуыл худтысты куыдз, гæды æмæ карк (Дзесов К. Над кем смеялись – собака, кошка и курица). // Хурзæрин: Сывæллæтты литературæйы антологий 2 т. Т. 2. (Солнце золотое. Антология осетинской детской литературы в 2 т. Т.2). – Орджоникидзе: Ир, 1974.
2. Дзесты К. «Сынаер», «Мады хъæлæс», «Хæринагтæй чи адджындæр у» (Дзесов К. «Жвачка», «Голос матери», «Что вкуснее?») // Фидиуæг. 1970. № 5.
3. Дзесты К. Уæздан (Дзесов К. Вежливый). // Зæрватыкк: Уацмысты æмбырдгонд сывæллæттæн (Ласточка: Сборник произведений для детей). – Орджоникидзе, 1973.
4. Мамиева И.В. Кудзаг Дзесов. Очерк творчества. Владикавказ: Ир, 1990
5. Антология осетинской литературной сказки / Сост. автор вступительной статьи и комментариев Бритаева А.Б. – Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2010.

6. Чеджемты Г.З. Тæнæгбазыр, авдхуызон: Аргъæуттæ (Семицветная бабочка: Сказки). – Орджоникидзе: Ир, 1972.
7. Сладков Н. О. О чем пишут «природники»? – В сб.: О литературе для детей. – Л.: Детская литература, 1983, вып.26. С. 57–61.
8. Дзасохты М. Бехъаны мугæ: Радзырдтæ æмæ аргъæуттæ (Дзасохов М. Беканская мушмула: Рассказы и сказки на осет.яз.). – Орджоникидзе: Ир, 1978.
9. Хъуппеты М. Æнæ гæрахæй – дыууæ сырды (Купеев М. Без выстрела – двух зверей). – Орджоникидзе, 1971.
10. Гурдзибеты Б. Сæгуытты балц (Гурдзибеев Б. Поход оленей). Владикавказ: Олимп, 2008.
11. Айларов И. С дедушкой в горах. – Орджоникидзе: Ир, 1974.
12. Гаглойты В. Цæуыл куыдта хæххон суадон: Радзырдты цикл (Гаглоев В. О чем плакал горны родник: Цикл рассказов.) // Фидиуæг. – 1960. – № 9. – Ф. 10-21; № 11. – Ф.18-30.
13. Аникин В.П. Сказки В. Бианки и фольклор. // Русский фольклор: Материалы и исследования. III кн., – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1958. – С. 243-259.
14. Швейцер А. Культура и этика. – М.: Прогресс, 1973. – 373 с.

Егорова И.Д.
«Сатира на нравы» В.Ф. Раевского

*Смоленский государственный университет
(Россия, Смоленск)*

doi: 10.18411/spc-26-10-2017-03

idsp: 000001:spc-26-10-2017-03

Владимир Федосеевич Раевский был не только первым декабристом, но и поэтом-декабристом. В этом качестве он известен мало, так как из созданных им произведений было опубликовано всего несколько стихотворений. Судьба литературного наследия Раевского связана с его судьбой как политического деятеля. Раевский, прежде всего, политический лирик, его поэзия отличается революционным характером, решительным утверждением гражданского долга как основного содержания жизни и творчества.

По словам самого Раевского, его жизнь состояла из трех переходов (периодов): военная жизнь (1812—1822), тюремная жизнь (1822—1827) и ссыльная жизнь (1828—1872). Как отмечает П.С. Бейсов, Раевский шел в своей творческой деятельности первого периода (до крепости) к реализму, считая, что «человек среди своих великих дум / Зреть должен истину – прелестну наготою» («Там далее: провинциал Минос...») [2, с. 68]

В «Сатире на нравы» этот художественный принцип проявляется с большой силой. Раевский, давая в тетради «Поэзия» общую характеристику различных жанров, о сатире пишет следующее: «...сатиры – чтобы исправлять нас, увеселяя и охуляя пороки и странности...» [3, с. 246]. Смех всегда является мощным средством социального воздействия.

В начале «Сатир на нравы» поэт говорит о «любви к отечеству достойных сограждан», вспоминает победу над Наполеоном, когда «властитель и тиран / Несметных орд к нам внес убийства и пожары...» и доблестный росс, «лавром покровенный, / Секване начертал постыдный приговор». Для раскрытия этой темы используется книжная лексика с высокой, торжественной окраской: росс, дивный, доблесть, очи, властитель, отечество, чтить, провидение, сограждане и другие. Свой патриотизм Раевский подчеркивает повторением словосочетания любовь к отечеству / отчизне: «благородства чувством любви к отечеству достойных сограждан», «наш певец, / Любовью чистою к отчизне возбужденный...». Торжественность стиля подчеркивается лексическими повторами подвиг («и подвиги ее в истории читает» – «подвиг славы»); слава – славный век; сограждане – гражданство; развернутыми метафорами: «Когда прошедшее из книги современной / Мечом росс вырубал и, лавром покровенный, / Секване начертал постыдный приговор...» [здесь и далее цит. по 6].